

18+

Ольга Рябцева

Long drink-3

Стихи

Ольга Рябцева

Long drink-3. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61931556

ISBN 9785005157713

Аннотация

Стихи – это такой напиток, который нельзя пить литрами. Его нужно тянуть маленькими глотками, чтобы прочувствовать вкус и послевкусие. Поэтому я назвала свою книгу «Long drink». Подходит не каждому.

Содержание

СТИХИ (1984—1996)	6
За окном будет только дождь	6
Рисунок тает на песке	7
Будь же ты благословенен	9
Я снова жду	11
А счастье было так возможно	12
Москва спокойствие внесла	14
Оставь надежду, всяк, сюда входящий	17
Вот и осень	19
Поубавилось в мире добра	21
Будь собой. Закрой глаза устало	23
Последнюю строку	24
Не думай о грустном	26
А мне уже почти не больно и не грустно	27
Растишь, лелеешь, бережёшь	28
Я, наверное, схожу с ума...	29
Я исповедую любовь	30
Мальчики, простите, дорогие	32
Я не знала тебя таким	35
Я знаю: ты веришь	37
С побелевшими от боли глазами	39
Я ничего уже не значу в этом мире	41
Я душой тебя касаюсь	42

Неисправный кран	44
Ничего не случилось, и всё хорошо	46
Что в этой жизни можно изменить?	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Long drink-3

СТИХИ

Ольга Рябцева

Инне
Алику
Але

© Ольга Рябцева, 2020

ISBN 978-5-0051-5771-3 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-5686-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИХИ (1984—1996)

За окном будет только дождь

За окном будет только дождь,
И на сердце один лишь дождь.
В целом мире – прозрачный дождь,
И ничем его не заменишь.

Ведь душа – это тоже дождь.
И любовь – это синий дождь.
Мы живём под дождем, а дождь —
Слёзы тех, кто оставил землю.

Ты уйдёшь от меня, уйдёшь.
Не заставишь умолкнуть дождь.
Ты оставишь меня в ночи,
Под высокой смиренной елью.

На две тысячи лет назад,
И две тысячи лет потом
Наша жизнь – это всплеск в тиши,
Различаемый еле-еле...

Рисунок тает на песке

Рисунок тает на песке.
Прибой проглатывает звуки.
И ты за тридевять земель
Ко мне протягиваешь руки.

А я, гекзаметру волны
Сопровожая и внимая,
Останки милые крушу
И ничего не понимаю.

Горчащий вкус воды и мыслей
На стянутых губах носить.
Врасплох нас счастье застигает
И исчезает, не спросив.

И больно так от мыслей этих,
И так непоправима жизнь
И так неумолимо время —
Родить – и тут же завершить!

И счастье так неповторимо
И хрупче жизни мотылька.
А ты, в мольбе вздевая руки,
Меня зовёшь издалика.

Зовёшь, от страха холодея,
От беззащитности своей,
Зовёшь, надеясь,
И страдая,
Что не приму любви твоей.

Останки, сердцу дорогие,
Почти исчезли на песке.
А ты протягиваешь руки
И погибаешь вдалеке.

Будь же ты благословенен

Будь же ты благословенен
Щедрый солнцем и добром,
Ты, века хранимый верно
Сыновей твоих теплом,

Край утраченных иллюзий,
Долгой жизни трудовой,
Край оборванных прелюдий,
Край бессонницы ночной.

Дальний край, через который
Путь к мечте моей лежит:
Шаг с горы, и снова в гору —
Там меж звёзд огонь горит.

В благодарность морю солнца,
Морю памяти и грёз
Пусть душа от снов очнется,
Пусть начнется жизнь всерьёз.

Как к спасенью прибегаю
От замучившей себя
К гулу вод твоих бескрайних,
Беспощадный мой судья.

Это ты, залитый солнцем,
Ты мне муки подарил.
Пусть к тебе же все вернётся,
Край возлюбленных могил.

Станет данью это лето
Неуслышанным словам,
Непрорвавшемуся свету,
Неповерившим глазам.

Добровольным наказаньем,
Стоном памяти в прибой.
И последним расставаньем
С неслучившимся тобой.

1986

Я снова жду

Я снова жду.
Я снова верю в чудо.
И жизнь опять
Тебе подчинена.
Я вновь слепа.
Шагаю ниоткуда
В который раз
В неведомо куда.

Вся жизнь, весь смысл
Всё к старому вернулось.
О, боже мой, все повернулось вспять.
По кругу шел
Трамвай, пути сомкнулись,

И новый круг вот-вот начнет опять.

И не вздохнуть, и не освободиться.
И не стерпеть,
Но все еще терплю.

О, боже, пусть
Мне это только снится —
Что и сейчас тебя еще люблю!

А счастье было так возможно

«А счастье было так возможно.»
(А. С. Пушкин).

А счастье было так возможно,
Таким восторгом обожгло!
Таким возвышенно-тревожным,
Таким непрошенным пришло!

Таким душевным единеньем,
С трудом удержанным огнём,
Таким божественным мгновеньем,
Таким неуловимым сном.

Как непростительно сомненье
В своём несбывшемся былом!
Как мучит мысль о несвершеньи!
Жизнь не отложишь на потом...

Молить судьбу о возвращенье
В безумно-трепетную ночь
Я перестану лишь с прозреньем,
Что мне ничем уж не помочь.

А счастье было так возможно,
Таким пугающе простым,

Что стало непомерно сложным,
И безвозвратно дорогим.

Москва спокойствие внесла

Москва спокойствие внесла,
Отторгла боль и отдалила.
И страх нечаянного зла
Собой, огромной, поглотила.

Я с облегченьем поняла,
Что всё же вырвалась из ада,
Что всё-таки не умерла.
Но этому уже не рада.

Наверно, серая Москва
Всего лишь громкость приглушила
И обесцветила слова.
И я цветы несусь к могиле.

И слёзы лью, и вновь молю
Судьбу вернуть мне муки ада,
Где я любила и люблю.
Где мне спокойствия не надо.

Пусть пульс смертельно дребезжит,
Пусть рвётся сердце от страданий.
Пусть голос снова задрожит
От чудом сдержанных рыданий,

Но только б знать, что рядом ты —
Пускай далёкий, недоступный.
Что всё ж сбываются мечты!
Но лишь не этот запах трупный..!

Не эти блёклые слова,
Не обессилевшие руки,
Где ни жива и ни мертва
Молю судьбу вернуть мне муки.

Вернуть цвета, дожди и тучи,
Сплетенье звуков, чаек крик,
Включить меня, опять озвучить,
Поверить чтоб хотя б на миг,

Что вновь живу, не прозябаю.
Что сердце помнит обо всём.
Но только воздух ртом хватаю,
Сведённым судорожно ртом.

О, не держи в своей неволе —
Ведь я летать теперь могу,
Ведь крыльям связанным так больно
На этом чуждом берегу!

Иль подведи скорей к обрыву,
И брось в пучину жадных волн!
И я с восторженным призывом
С собой в них утоплю и сон!..

Оставь надежду, всяк, сюда входящий

Оставь надежду, всяк, сюда входящий.
Забудь мечты, спокойствие, уют.
Утихни, страждущий, ослепни, зрячий.
Кого здесь ждали? И тебя не ждут.

Умолкнет муза радости и боли.
Жизнь суетой заполнится забот.
Забот о хлебе. И тоской по воле.
И время еле-еле поползёт.

Дожди и сырость. Мелочность и серость.
До отупенья гладкое житье.
Почтёшь за счастье, что давно приелось.
Переоценишь прошлое своё.

Верёвки вьёт бездумное безделье.
Тоской изводит брошенная даль.
Душит пустое, глупое веселье.
А сердце всё-то тянет на печаль.

Глаза не видят красоты неяркой,
Обвыкся слух с убогим языком.
Здесь письма – самый радостный подарок.

Кусочек дома, дышащий теплом.

Их ожидая, по ночам тоскуешь.

А, получив, заглатываешь враз.

И всё картины светлые рисуешь

О том прекрасном, где уж нету нас.

1987

Вот и осень

Вот и осень.
Поседело, опустилось небо ниже.
Льёт дождями,
Гнёт тоскою и болят сердца...
Как я рада
Холодам и слезам, что всё ближе,
Паутинкам
Горечи, что тянутся с лица.
А покуда
Предосенней лаской тело полно
И бушует,
Не скупится тундра на тепло,
И сочится
Алой кровью голубичье поле,
Грусть прольётся —
Унесёт с собою всё, что жгло.
Укрывает
Небо синью нас, двоих пропащих.
Открывает
Сердце ласковое облакам.
Жаль, но всё же
Не всегда кто ищет, тот обрящет.
Доверяйте
Только искренним своим сердцам.

1985, Талнах

Поубавилось в мире добра

Поубавилось в мире добра.
Или что-то случилось с людьми?
То, что было нелепо вчера,
Нынче хором выводят, как гимн.

Входит в норму сегодняшний быт —
Просто так похамить, для души.
Просто душу вот так отводить
В этой благодной общей тиши.

Или, может, смириться пора
Со свои неприятьем больным?
То, что было бесценным вчера,
Нынче вкусом зовется дурным.

Может, горя не стало хватать?
Чтоб так щедро людей не любить?
Так бездумно его умножать,
Называя умением жить?

Или счастье в другом, не в любви —
К человеку, песчинке, траве?
Или что-то случилось с людьми?
Или просто мы – разных кровей

Я не знаю, как жить, не любя.
Счастье, думала я, – это то...
Это радость не помнить себя...
Что-то мы упустили. Но что?

Будь собой. Закрой глаза устало

Будь собой. Закрой глаза устало.
Стань собой. С собой наедине.
Всё пройдет. Разлук осталось мало.
Оттого растут они в цене.

Не грусти. Ты всё поймёшь однажды.
Радость будет – будням вопреки.
Не войти в одно течение дважды.
В быстротечность жизненной реки.

Разгляди меня в толпе ревушей.
Я стою на повороте вниз.
Обернись на мой призыв беззвучный.
Пусть случайно. Только обернись.

Пусть уже слабее и короче
Наши чувства,
Недоверчив ум.
Сердце также верует и хочет.
Сердце зорко. Верь всегда ему.

Последнюю строку

Последнюю строку
Любимой ветхой книги
Читаю скоро год,
Не мысля о другом.

Ношу её в себе,
Как скорбные вериги,
И бережно храню
Почти забытым сном.

Не знаю, для чего —
Ведь всё в ней так далёко.
Но свято верю в свой
Подлунный талисман.

Он тьму бескрылых дней
Пронзает яснооко,
Оправдывая враз
Глухой самообман.

И мучает своей
Забытой сердцем песней
Последняя строка
Излюбленной тоски.

И плач – навзрыд. Но нет
В душе тоски чудесней,
Чем бередит восторг
Последней той строки.

Не думай о грустном

Не думай о грустном,
Пусть бешено мчится
Волчок сопряжений,
Немыслимых встреч.

Мгновенье бесценно,
Так дай же случиться:
Судьбе опустить свой
Невидимый меч.

Я с ясным блаженством
Главу подставляю
И жду избавленья
От жгучих невзгод.

Но жизнь не спешит,
Лишь мученья продляя —
Повинную голову
Меч не сечёт.

А мне уже почти не больно и не грустно

А мне уже почти не больно и не грустно.
И скоро я совсем, наверно, научусь
Легко терять друзей, не верить чьей-то музе,
А просто сяду в поезд и в никуда умчусь.

И научусь не ждать от глупой жизни счастья,
И научусь легко обиды принимать.
Не верить в чистоту и в искренность участия,
Смиряться с фарисейством и всё о жизни знать.

Но, боже, как во снах цветасто счастье плещет —
Там, где душа с душой беззвучно говорит.
Где на горе седой потомки птицы вещей
И свет любви твоей, мерцающий, горит...

1985

Растишь, лелеешь, бережёшь

Растишь, лелеешь, бережёшь
И молишь время о продленье,
И вдруг в ладонях – жалкий грош,
А за спиной – пожарищ тленье.

И ропот сосен в вышине,
И ветер, воющий бесстрастно.
И нет уж сил. И стон во сне.
И снова только даль – прекрасна.

А рядом, рядом – оглянись:
Увидишь пустошь, разоренье.
И скорбь, и плен. И тщетно мысль
Мятётся в поисках решенья.

Неужто жизнь пройдет вот так —
В пустых глазах, в привычном круге?
И в неуменье обретать,
И в вечном русском – будь, что будет?

И привкус горечи во всем,
И цвет банальности унылой.
И опустевший, стылый дом,
Где лишь вчера любовь светила.

Я, наверное, схожу с ума...

Я, наверное, схожу с ума.
Только от того, что ты не звонишь.
Оттого, что снова все – сама.
И не вызволишь, и не дозволишь.

Раскрутилось колесо судьбы,
Да буксует как-то несерьезно.
Глухо, немо на мои мольбы.
Снизойдёт – на высохшие слезы.

Протяни же через глушь ночи
Трель звонков, порвущих перепонки.
Только так забыто не молчи,
Мне всю душу вычеркнув и скомкав.

Будешь весел – веселись вдвойне.
А грустить – то так, чтоб вдвое легче.
По весне с войны придешь ко мне —
Я сорву с себя осенний вечер.

Я исповедую любовь

Я исповедую любовь
И не боюсь кричать об этом.
Она пришла без клятв и слов.
Её узнала по приметам.

Узнала вздрогнувшей душой,
Биением сердца неудержным,
По отторжению всего,
Что украдёт хоть часть надежды.

Один мне Бог, один порог.
Они сошлись на этом слове.
И верю: близок, близок срок,
Когда увижусь я с любовью.

Пока она идёт ко мне,
Я жду её, тая дыханье.
Ей трудно там, во тьме и мгле,
И мне слышны её стенанья.

Она бежит от пестроты,
От фальши громкой и блестящей.
А рядом с ней – я знаю, – ты
Идёшь ко мне, от слез незрячей.

Я жду тебя, не помня слов
Тех песен, что давно отпеты.
Я исповедую любовь.
И не стыжусь кричать о этом.

1987

Мальчики, простите, дорогие

А.Р. и В.Р.

Мальчики, простите, дорогие,
Нас, не знавших, как страшна война.
Как дошли до дома вы живыми,
Как пятнали ваши имена.

Как вы возвращались к этой жизни
После стольких ран, смертельных ран?
Как остались верными отчизне,
Столько боли причинившей вам?

Спрятанную правде нам доверьте.
Каждый день она хлестала вас.
Вы, не убоявшиеся смерти,
В правду вашу посвятите нас.

Как вы выносили под обстрелом
Тех, кто рядом только что бежал,
Сами под невидимым прицелом,
Кто вам это мужество давал?

Расскажите, где вы силы брали,
Когда вам лепили ярлыки?
Когда те, кого вы защищали,

Вам же в спину дёрпали курки?

Как потом об лёд не обломались
Равнодушной сытости своих?
Тех, пред кем вы были просто малость
По масштабам судеб мировых?

Как слепая ярость не давала
Вам играть в гуманную войну?
Сколько вас под вечер оставалось,
Как не верить стали в тишину?

Сколько перевалов пережили,
Как меняли жизнь на ордена?
Мальчики, простите, дорогие
Нас, не знавших, как страшна война.

Кто вас звал, чтоб вдоволь надругаться?
Кто вас, самых лучших, посылал?
Кто глумился над народным братством
И решал, какая вам цена?

Не вернуть вас, мальчики родные,
Самый цвет истерзанной земли.
Жизнями и верой вы платили,
Но кому вы счастье принесли?

Так когда же судный день настанет
Тем, кто вами бреши забивал?

Тем, кто вами словно щедрой данью
В благородство с подлостью играл?

1987

Я не знала тебя таким

Я не знала тебя таким.
Тот, другой, был совсем другим.
Тот был рядом и так далёк.
Досягаем и одинок.

Только кованый жёсткий стук,
Да усталость вздетых рук,
Да неверная поступь слепца,
Изнуряющий страх конца.

Всё запомнилось только так.
Я не знала, где друг, где враг.
На душе абсолютный ноль,
И повсюду сплошная боль.

И вот теперь, столетия спустя,
Всё осветилось взглядом ясноглазым.
И как-то всё понятно стало сразу,
И жизнь полна, и многое – пустяк.

Теперь ты мой,
Как прежде был чужим,
И мне ловить крупинки не придётся.
И сеять пепел вечером глухим,

И жизнь сама навстречу понесётся.

Всё полно смыслом, запахом, и сны

Опять цветные, и волнуют остро,

И всё вокруг вдруг снова стало просто

В преддверье близкой, радостной весны.

Я знаю: ты веришь

Я знаю: ты веришь. Я верю: ты ждёшь.
Мгновенья, подобного давнему смерчу.
И песней, где музыкой выльется дождь,
Твою месячину, надежда, отмечу.

Надеждой и памятью снова жива,
И призраки мутные больше не гложат,
И радостно сердце волнуют слова,
И жизнь без тебя продолжаться не может.

Пройдись по прибою, мой тайный король,
И нежность свою протяни мне навстречу.
Пусть я Магомет, если ты стал горой.
Спасибо судьбе за случившийся вечер.

Восторги зарницы в потоках дождя,
В смешении юности, грома, веселья!
За трепет в твоих изумлённых глазах...
Я праздную вечное их возвращенье!

Волшебная вспышка в волшебной ночи,
Внезапная сила сердец притяженья.
О, вера моя! Поддержи, научи,
Как выстоять это слепое сраженье!

С побелевшими от боли глазами

С побелевшими от боли глазами,
И с искусанными синими губами
Я иду чему неведомо навстречу
В синий-синий белый-белый вечер-вечер.

Неизвестность не манит и не пугает.
Равновесие достигнуто душой.
Что-то там ещё судьба наобещает?
А мне хочется побыть самой собой.

Я спокойна, я взираю безразлично
На сверкающие шпильки в вышине,
И безропотно, и молча, и привычно
Созерцаю всё внутри и все вовне.

Так приятно быть подвешенной в пространстве
И ни в чём – ни в чём себя ни обвинять.
Как сосуд, хранящий тайну в море странствий,
Непричастность свою к миру ощущать.

Просто впитывать осенний свежий ветер,
Просто солнечные блики различать,
И не думать, и забыть про всё на свете,
И не ведать, и не грезить, и не лгать.

Я ничего уже не значу в этом мире

Я ничего уже не значу в этом мире!
Как горько, как душа моя пуста!
Бредет она в полночной мгле, как сирий,
Как нищий бог, и богом проклята.

Как все до одури банально и нелепо!
Песочек-жизнь в ладонях не сдержать.
Чужую жизнь, с чужого сердца слепок,
К себе, несчастная, пыталась примерять!

Не удержала в дикой гонке пристяжную,
Она рванулась, вздыбилась и – ввысь.
Сердечко ёкнуло, полет души почуяв,
И приказало телу: оторвись!

Но не пришло успокоение во взлёте.
Лишь кратким изумленьем обдало.
Достало сил, чтоб уцелеть в полёте.
А на земле ничто уж не ждало.

Я душой тебя касаюсь

Я душой тебя касаюсь,
Ты во сне ко мне приходишь.
Я молю тебя: исчезни.
Я прошу тебя: останься.

Ты со мною днём и ночью,
Не даёшь побыть собою,
Не даёшь вздохнуть свободно.
Всё пространство заполняешь.

Ты огромный, вездесущий.
Ты объял меня, как воздух.
Ты вокруг меня витаешь,
Даже внутрь проникаешь.

Ну за что меня терзаешь?
Я и так, как резонатор!
Только крикни – и обрушусь!
Отпусти меня, сенатор...

Нет, пожалуйста, останься.
Только встань вон там, поодаль.
Словно я тебя не вижу.
И ко мне не прикасайся.

Неисправный кран

Кап – по щеке слеза скатилась.
Кап – с ней из крана согласилось.
Скорей забудь, что не забылось...

Кап – тверже шаг, смелей улыбка!
Кап – нам не нужно всё, что зыбко.
Все неприятное – ошибка.

Дзинь-дзинь – звонок чужого мира,
Дзинь – звон стекла чьего-то пира.
Но (!) на замке моя квартира.

Освобожу-ка рот от пакли
И буду истину по капле
Впивать: вот так, вот так, вот так ли?

Глоток – и тень покрылась глянцем,
Ещё – смелей, стыда румянец!
Был джентльмен, стал оборванец...

Всё просто. Кап (вода из крана)...
Позвольте нам стереть румяна.
Дадим подсохнуть нашим ранам.

Всё хорошо, моя награда.

Чужих нам милостей не надо,
Мы создадим свою Элладу.

Закрутим кран, закроем уши,
Нас поведёт впотьмах ведущий
На рёв толпы, услады ждущей.

И там погибнем иль восстанем,
И там поникнем иль воспрянем,
Но лишь умнее жить не станем.

Всё счастливо, моё терпенье.
Теперь не будет раздвоенья.
Теперь на всех – одно забвенье.

1985

Ничего не случилось, и всё хорошо

Ничего не случилось, и всё хорошо.
Только что-то из жизни ушло.
Что-то главное скорбно вздохнуло вслед,
Онемело вопросом в ответ.

Мы умеем грустить, и бороться, и ждать,
Не умеем лишь радостно жить.
И мне вовсе не странно уже, что опять
Смутно помнить сравнялось с любить.

1984

Что в этой жизни можно изменить?

Что в этой жизни можно изменить?

Она пуста, горька и безотраднa.

И так, сплетаясь, скручивает нить,

Блестя порою пышностью парадной.

Так вьётся прядь. Так год сменяет год,

И проблеск солнца дверь приоткрывает

Туда, куда лишь избранный войдёт,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.